

Из литературы о принципате

HAMMOND M. The Augustan principate. Cambridge, Massachusetts Harvards University Press, 1933, p. 341; *HOMO L.* Auguste (63 av. J. C. —14 ap. J. C.), Paris, Payot, 1935, p. 330; *GAGÉ J.* De César à Auguste. Oú en est le problème des origines du principat? A propos du César de M. J. Carcopino («Revue historique», tome 177, Paris, 1936, p. 279—342).

ХАММОНД М. Принципат Августа; *ОМО Л.* Август; *ГАЖЕ Ж.* От Цезаря к Августу. Состояние проблемы возникновения принципата. По поводу книги Ж. Каркопино «Цезарь».

История конца Римской республики и первого периода империи относится к числу наиболее сложных вопросов истории античного мира. За последнее десятилетие вышло немало книг и статей, посвященных этому вопросу. Мы выбрали три работы, характеризующие основные направления в изучении данного вопроса зарубежными историками.

Первая из рецензируемых работ принадлежит американскому историку Хаммонду. В начале своей книги автор говорит, что эпоха Августа ставит перед исследователем целый ряд трудно разрешимых вопросов. Нелегко психологу разобраться в раздвоенном образе Августа, который в 43 г. до н. э. выдал ради своей карьеры Цицерона, а впоследствии за свои заслуги был удостоен титула отца отечества. Моралист должен каким-то образом примирить те пороки Августа, о которых немало рассказывает Светоний, с тем, что известно об Августе, как добром семьянине, строгом отце и восстановителе общественной нравственности; наконец, перед историком стоит вопрос, был ли Август восстановителем республики или же первым самодержцем (стр. 3). Не отрицая важности всех этих вопросов, Хаммонд считает возможным остановиться исключительно на конституционной истории этого периода. Подобно современной Великобритании, Рим, по словам Хаммонда, не имел писаной конституции. Государственное управление зиждилось на различных прецедентах и отдельных законодательных актах, юридически не было ничего постоянного и неизменного. Политический строй времен Августа отличался от республики, какую знал Цицерон; значительные изменения произошли в политической жизни и при преемниках Августа. Теория часто не соответствовала практике. Но тем не менее установить основы этой теории Хаммонд считает возможным, и это составляет главную задачу его книги.

Основной тезис всей книги: несмотря на противоречия, какие существовали между сенатом и императором, теоретически верховная власть (*supremacy*) принадлежала сенату. Император выступал как слуга сената, представлявшего римский народ. Таким образом, тот политический режим, какой был установлен Августом, не был, по Хаммонду, ни монархией, как полагают многие исследователи, ни диархией, как считал Моммзен, а республикой, и Август, таким образом, был восстановителем республики.

Доказательство своего положения автор начинает с разбора тех полномочий, какими Август пользовался. Для обозначения высшей власти в римском государственном праве с древнейших времен существовало понятие *imperium*, которым наделялись высшие магистраты. Однако история республики знает немало примеров, когда те или иные лица получали *imperium* в форме чрезвычайных полномочий, не занимая тех или иных магистратур. Вот эти чрезвычайные полномочия (экстраординарные магистратуры) и явились прецедентом власти Августа. Первое упоминание о таких полномочиях относится еще к 367 г. до н. э., когда для войны с Неаполем получил чрезвычайные полномочия Публилий Филон, не являвшийся магистратом. Особенно часто такого рода *imperium* встречается в I в. (полномочия Лукулла, Помпея, Цезаря и пр.). Власть Августа была чрезвычайной магистратурой, не отличавшейся в принципе от тех, какие появились задолго до установления принципата. Хаммонд утверждает, что с конституционной точки зрения здесь не было ничего необычного: подобно тому, как это было и прежде, *imperium* был предоставлен Августу сенатом и римским народом. Переходя к анализу других полномочий, какими пользовался Август, Хаммонд приводит слова из *Res gestae divi Augusti*, которые поставлены автором и в качестве эпитафии ко всей его книге: «в шестое и седьмое консульство, после того, как я потушил гражданские

войны, облеченный по всеобщему согласию высшими полномочиям, я передал республике из своей власти в распоряжение сената и римского народа». Эти слова для Хаммонда не фикция: они передают действительное положение вещей, наступившее в 27 г. Август правил на основе полномочий сената. В его титулах не было ничего нереспубликанского. Титул императора, например, не обозначал верховной власти; его присоединил к своему имени Август, как наследник Цезаря. В противоположность Моммзену, считавшему трибунскую власть (*tribunicia potestas*) одной из основ власти Августа и его преемников, Хаммонд приходит к заключению, что *tribunicia potestas* имела второстепенное значение. Это был почетный титул, дополнение к *imperium*, необходимое для проведения реформ, для упрочения влияния в Риме и Италии, на которые *imperium* Августа после 23 г. не распространялся. При этом трибунская власть Августа имела в теории такое же значение, как и власть других народных трибунов. «В военном отношении император был только слугой сената и римского народа, от которых он получил *imperium*. В гражданских же делах он был преемником Гракхов и Цезаря в защите прав народа» (стр. 83). Моммзен считал возможным говорить о диктатуре (двоевластии) на том основании, что император получал свои полномочия от войска. Хаммонд находит, что войско играло большую роль при выборе императора *de facto*, а не *de iure*. В заключение автор повторяет, правда, в несколько смягченной форме, то положение, какое формулировано было им вначале: «Восстановление республики было нечто большее, чем фикция» (стр. 195).

Мысль, что Август являлся не монархом, а восстановителем республики, высказывалась и ранее. Наиболее последовательно этот взгляд проведен в работах Эд. Мейера и Ферреро. Ближе всего Хаммонд примыкает к первому. Но в отличие от Эд. Мейера Хаммонд рассматривает вопрос исключительно с конституционной точки зрения. Но и этот принцип не является новым. Хаммонд идет по пути Моммзена, но не Моммзена-историка, а Моммзена-юриста, автора «Римского государственного права». Но изучать конституционную историю изолированно от истории социальной—дело совершенно бесплодное. Полная противоречий политическая действительность I века н. э. никак не может быть уложена в «конституционную схему». Автор поэтому иной раз вынужден выйти за пределы права и заняться социальными темами. Но освещает он их опять-таки юридически, т. е. однобоко и неправильно. Хаммонд, например, не может обойти вопрос о том, почему республиканские учреждения, если они действительно были восстановлены Августом, не стали играть прежней роли. Он указывает две причины: нежелание лиц сенаторского сословия исполнять свои общественные обязанности и рост значения императорской бюрократии (стр. 142). Но как же объяснить появление этой бюрократии? Автор и здесь находит ответ: «для римских магистратов было обычно для выполнения служебных обязанностей пользоваться слугами» (стр. 190). Наивность и поверхностность этих объяснений совершенно очевидны для всех, кроме автора.

Между тем, книга Хаммонда основана на большом материале; автору хорошо знакома литература вопроса, которая собрана в конце книги и может служить прекрасным библиографическим указателем. Можно указать целый ряд удачных определений тех или иных понятий римского государственного права. Но порочен самый метод изучения вопроса. Конституционная история есть неотъемлемая часть социальной истории. Лишь тогда, когда изучение будет направлено на определение социальной сущности принципата, лишь тогда, когда противоречия этой эпохи мы выдвинем на передний план и будем ставить своей целью их понять, а не уклоняться от их объяснения,—только тогда можно определить и характер власти императора, охарактеризовать как роль сената, так и значение тех учреждений, какие возникают в начале империи. Конституционная история, абстрагирующая от социальной, всегда останется непоследовательной и бесплодной.

Другой характер носит посвященный Августу труд известного французского историка Леона Омо. Эта книга вышла в серии «Bibliothèque historique» и является, в первую очередь, биографией Августа. Работа разделена на четыре части, озаглавленные: 1) Человек, 2) Император, 3) Конец, 4) Заключение—Август перед судом истории. В первой части излагаются жизнь Августа до начала его политической карьеры и события после выступления его на политическую сцену вплоть до полной победы над своими политическими противниками. Главы эти написаны близко к источникам; автор не делает даже попытки разобраться в социальных противоречиях этого периода. Последние главы первой части посвящены характеристике Августа, членов его семьи и его ближайших помощников. Характеристика Августа не отличается оригинальностью. Многие заимствованы из известной монографии об Августе Гардтаузена. Характеристика носит апологетический характер. Отрицательные черты Августа, о которых мы можем судить на основании источников, автор приводит, но так или иначе старается их оправдать. Как известно, источники не дают нам единого и цельного образа Окта-

виана Августа. Во времена второго триумvirата—это жестокий, корыстолюбивый и эгоистичный тиран, после победы над Антонием—это справедливый, милостивый и добрый правитель. На это противоречие неоднократно указывалось в исследованиях, и мы найдем немало попыток его разрешения. Омо этот вопрос обходит и берет охотнее те версии, которые относятся к более позднему периодом деятельности Августа.

Вторая часть работы Омо (стр. 109—211) посвящена характеристике того политического режима, какой был создан Августом. В противоположность Хаммонду, Омо проводит мысль, что тот политический строй, какой установился после битвы при Акции, был монархией, несмотря на сохранившуюся видимость республики. Основой власти Августа был *imperium* (сначала консульский, а с 23 г. н. э. особый *imperium maius*, прецедентом которого был *imperium proconsulare*), власть трибуна (*tribunicia potestas*) и верховный понтификат. Монархия, созданная Августом, отличалась от политического идеала Цезаря. «В целом, система принципата выражала национальную латинскую реакцию против системы восточно-эллинистической монархии Цезаря» (стр. 174). В этой же части Омо дает характеристику управления империей, а также излагает внешнюю политику Августа. Отчетливее, нежели во многих других работах, излагает Омо налоговую систему, установившуюся при Августе. Вопросы социальной истории затрагиваются поверхностно. Так, например, взаимоотношения между Августом и сенатом рассматриваются лишь с формальной, юридической точки зрения: говорится о разделении провинций, об эрарии и фиске и т. д. Вопрос об отношении к Августу сенатской знати обходится. Эта часть заканчивается главой: «Август—творец нового идеала». Глава эта посвящена идеям литературы и искусства времен принципата. Основные мысли автора восходят еще к тем положениям, какие были выдвинуты в свое время Гастоном Буассье.

В части, озаглавленной «Конец», заслуживает внимания глава, посвященная Паннонскому восстанию и поражению римлян в Тевтобургском лесу. Главы эти, главным образом, написаны по данным Веллея Патеркула и Флора, которые сравнительно мало использовались в предыдущих работах. Наконец, удачно изложена политика Августа в конце его правления (стр. 257 сл.). Автор выдвигает то положение, что введение ряда налогов в конце правления Августа обуславливалось, главным образом, неудачами во внешней политике.

В заключении—«Август перед судом истории»—излагаются взгляды на Августа в античности, в средние века и затем даются сведения о новых археологических раскопках. Однако автор не дает описания открытых памятников, ограничиваясь лишь сухим перечислением.

Книга Омо имеет значение лишь как систематизация того, что уже не раз было высказано в исторической литературе. Но автор как будто сознательно обходил все спорные вопросы, какие возникают в связи с изучением этого периода. Проблемы даже не поставлены. Не говоря уже о социальной сущности принципата, даже вопросы политической истории затронуты поверхностно. Приходится отметить, что работа Омо об Августе слабее других его работ по истории Рима (монография об Аврелиане, «Римская империя» и др.).

Статья Ж. Гаже, как видно из заглавия, написана по поводу книги Каркопино, составляющей особый том «Всеобщей истории» Глотца. Автор не ограничивается изложением взглядов Каркопино,—он дает краткий обзор литературы о Цезаре и Августе за последние 15—20 лет. Заслуга автора заключается, главным образом, в том, что он формулировал те проблемы, какие возникли в последнее время в связи с изучением конца республики и начала империи. Какова связь между политической программой Цезаря и тем политическим строем, какой ведет свое начало от Августа,— вот основной вопрос, разбираемый в статье Гаже. В основном статья направлена на опровержение теории Эд. Мейера, полагавшего, что Цезарь ставил своей целью основать монархию по восточно-эллинистическому образцу. Рим должен был раствориться в этой мировой монархии. Другие цели преследовал Помпей, стремившийся сохранить республику, в которой первенствующую роль должен был играть сенат. Помпей претендовал не на роль монарха, а принцепса—первого гражданина, охраняющего аристократическую республику. Эту систему принципата Цицерон идеализировал в трактате *de re publica*. В своей политической деятельности Август следовал примеру не Цезаря, а Помпея. Гаже считает прежде всего необходимым разобрать отдельные элементы идеологии принципата, указать, каким образом возник каждый из этих элементов и какую роль играли они в обосновании власти Августа. Роль и значение принцепса невозможно понять, исходя из юридического анализа тех полномочий, какими он был наделен. По поводу «Римского государственного права» Моммзена Гаже говорит: «Труд Моммзена, естественно, продолжает вызывать удивление и в значительной своей части сохраняет ценность; его анализ различных императорских полномочий остается непревзойденным. Однако истолкование всего явления в целом становится все более и более спорным»

(стр. 287). Дело в том, что отдельные полномочия, какие были у Августа (например, *tribunicia potestas*), хотя и сохраняли прежнее республиканское название, но приобрели иной смысл. «Несмотря на все различия—а различия эти громадны,—что подумали бы в будущем об историке, который через несколько веков попытался бы объяснить путем имманентной эволюции отдельных институтов или путем развития юридических принципов в рамках прежде существовавших государств... такие уродливые личные полномочия, как полномочия немецкого фюрера, являющегося одновременно канцлером и главой государства, или же итальянского дуче» (стр. 290). Недавно найденные эдикты Августа из Кирены говорят о неограниченной власти императора в тех провинциях, какие по разделу 27 г. до н. э. находились в ведении сената. Наконец, новый вариант *Res gestae divi Augusti*, так наз. *Monumentum Antiochenum*, дал возможность установить, что Август хотя и пользовался такой же властью (*potestas*), как и другие магистраты, но стоял выше их, в силу *auctoritas*. Семантическое родство этого слова с *augeo* (умножать), *Augustus*, показывает, что, независимо от магистратур, император пользовался особым «авторитетом», занимал исключительное положение. Наконец, власть Августа не будет понятна, если оставить в стороне религиозные мотивы ее обоснования, или, как говорит Гаже, «мистические, иррациональные элементы». С самого же начала принципата мы встречаемся с элементами императорского культа: почитание гения императора, особое религиозное значение *Pax Augusta*; наконец, *tribunicia potestas*, как это можно судить из слов Августа, имела особое мистическое значение.

Установив, таким образом, идеологические основы власти Августа, Гаже пытается проследить пути возникновения всех этих понятий. Нет никаких оснований, по его мнению, противопоставлять власть Цезаря власти Августа. Моммзен считал Цезаря демократическим монархом, и действительно, «демократическая идеология» (кавычки употребляет и Гаже) характерна не только для начала его политической карьеры. Переход Рубикона Цезарь мотивировал тем, что хочет отомстить за поправные права народных трибунов, война с Помпеем представлялась им как гражданская война с сулланским полководцем. Цезарь принимает трибунскую власть и пр. Но и в числе полномочий Августа большую роль играла *tribunicia potestas*; он выставил себя восстановителем свободы (*vindex libertatis*).

Цезарь стремился основать мировую монархию, во главе которой стоит царь, обладатель божественной власти. В противоположность Эд. Мейеру, Гаже отказывается видеть в этой программе Цезаря простое подражание восточным эллинистическим монархиям, в первую очередь—птолемеевскому Египту. Нельзя не учитывать чисто римских представлений. Понятие царь (*rex*), например, связывалось, с одной стороны, с Тарквинием Гордым, тиранном, изгнанным из Рима, но, с другой стороны, пользовался популярностью царь Ромул, основатель города. Обожествление человека коренится в восточных верованиях, но они давно проникли в Рим, и здесь особым почитанием пользовался Ромул—отец отечества (*pater patriae*); существовали своеобразные династические культы в аристократических родах (культ Венеры в роде Юлиев). Цезарь оперировал, таким образом, элементами, какие были созданы до него. Наконец, стремление к всемирной космополитической монархии восходит к влиянию стоической философии, которая стала популярной в аристократических кругах со времен Циципиона Младшего и служила оправданием римских завоеваний.

Монархические идеи Цезаря разделялись и осуществлялись Августом, правда, в смягченной форме. Мировой характер, например, Римской империи был официальным догматом, а когда Август называет себя «победителем на суше и на море», он говорит, как владыка вселенной (*maître cosmique*).

Гаже отрицает то положение, что исключительное значение, какое приобрел при Августе термин *princeps*, есть доказательство того, что Август шел за Помпеем и стремился осуществить идеал Цицерона. Цицерон, говоря о роли принцепса, имел в виду не Помпея, а себя. В трактате *de re publica* принцепс не является полководцем, это—гражданское лицо. Наконец, в своих политических планах Помпей не отличался от Цезаря, и если Август следовал по его пути, то не в восстановлении республики, а в утверждении монархии. Гаже разбирает характерные для принципата политические термины: *princeps*, *moderator*, *privatus*, *concordia ordinum*, и указывает, что они встречаются не только у Цицерона, а являются распространенными понятиями, появившимися в эпоху ранней республики или же созданными под влиянием стоической философии.

В заключительной главе Гаже пишет: «Предшествующие страницы, как и характер всего исследования, могут произвести на читателей впечатление парадокса, как будто мы полагаем, что императорский режим был продуктом чисто идеологического движения. Никому не придет в голову подвергать сомнению то, что эта великая «монархическая революция» была результатом длительного процесса социального и политического

развития. Без анархии в конце Римской республики, без характерной для сената неспособности осуществлять стоявшие перед ним мировые задачи, а прежде всего без вмешательства военного фактора невозможно было бы объяснить появление империи. Весь вопрос заключается в том, как объяснить тот очевидный параллелизм, который наблюдается между собственно конституционной историей Рима в последний век и эволюцией идей, нравов и верований, относящихся к политической жизни» (стр. 335).

Мы считали возможным остановиться на работе Гаже, поскольку она лучше, чем другие, вводит в круг тех вопросов, какие ставятся в настоящее время в буржуазной историографии при изучении принципата. Заслуга Гаже заключается в том, что он показал невозможность и бесплодность конституционной истории принципата. Это не значит, что следует отказаться от определения отдельных полномочий Августа, функций его чиновников и т. д. Не забудем, что эти чисто юридические на первый взгляд моменты играли в Риме большую роль, чем в других государствах древнего мира. Но они не могут объяснить сложного процесса образования империи, а сами нуждаются в объяснении. Наконец, власть Августа никогда не может быть понята, если ее представлять как сумму разного рода полномочий. Гаже вслед за Каркопино правильно поставил вопрос и о том, что нельзя противопоставлять власть Цезаря власти Августа. Интересны его замечания относительно значения в различные периоды тех или иных политических терминов.

Но, вместе с тем, мы должны сказать, что те опасения, какие высказал Гаже в заключении, имеют основания. Действительно, при чтении его работы получается впечатление, что «императорский режим был продуктом чисто идеологического движения»; получается это впечатление потому, что его объяснения перехода от республики к монархии не только общи и поверхностны, но и мало содержательны. Гаже показал, что невозможно изучать конституционную историю без учета других идеологических моментов, но вместе с тем его работа говорит и о том, что невозможно изучать историю и идеологию без социальной истории. В *Res gestae divi Augusti* есть не только главы, говорящие о характере власти Августа; там найдем мы указания и на то, что заставило многих республиканцев примириться с монархическим режимом. Говоря о борьбе с Секстом Помпеем, Август не называет своего политического противника, а рассказывает о победе над ним в следующих словах: «Море очистил от пиратов. В той войне я захватил в плен 30 000 беглых рабов, которые подняли оружие против республики, и передал их господам для надлежащего наказания». Подавление движений рабов и установление империи, как определенной формы военной диктатуры,—это два неделимых друг от друга явления, и это обстоятельство нельзя игнорировать при изучении истории республики и конца империи. Наконец, установление империи никак нельзя объяснить без анализа соотношения классовых сил в период второго триумvirата и во времена Августа. Современные работы буржуазных историков, посвященные интересующему нас вопросу, рассматривают характер политического строя при Августе, занимаются историей отдельных институтов, интересуются Августом, как человеком, определяют основные элементы идеологии принципата, дают историю некоторых провинций, но нужно заметить, что вопрос о социальной сущности принципата за последнее время не ставился серьезно ни в одном исследовании, и можно даже сказать определенно, что работы прошлого века, как, например, работа Гардтгаузена, социальным проблемам уделяли большее внимание, чем это делается буржуазными историками в последнее время.

Мы не касаемся чисто публицистических «работ» итальянских авторов, видящих в античности прецеденты современных итальянских колониальных захватов. Для историка античности они не представляют никакого интереса. Вполне справедливо поступает Гаже, игнорируя эти работы, ограничиваясь по поводу некоторых лишь ироническими замечаниями (стр. 286).

Никакого интереса для историков не представляют и немецкие работы последних лет о принципате. Они характерны лишь как свидетельство о протистировании науки в странах фашистского мракобесия, о сознательной фильсификации науки для пропаганды человеконенавистничества.

Н. Машкин